

ПРИНЦИПЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ЛЕВОЦЕНТРИСТСКИХ ФРАКЦИЙ В БОЛГАРИИ И РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНФЕДЕРАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ БОЛГАРСКОЙ «ЛЕВИЦЫ» И ПРОЕКТА КУЛЬТУРНО- НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ БУНДА)

М. В. Тортика

Тортика М. В. Принципы национальной стратегии левоцентристских фракций у Болгарии та Росии (на прикладе конфедеративной концепции болгарской «левицы» та проекту культурно-национальной автономии Бунду). У дослідженні розглядаються особливості сприйняття національного питання теоретиками левоцентристських фракцій у Болгарії та Росії на межі ХІХ–ХХ ст. Самобутність левоцентристської платформи (як у Болгарії, так і в Росії), полягала в її політичній двоїстості. Обидва проекти (російський – «автономістський», болгарський – «конфедералістський»), з одного боку, випромінювали готовність до співпраці з офіційною політичною елітою. Тоді як, з іншого, на теоретичному рівні, державним чиновникам було відмовлено в можливості будь яких економічних і політичних преференцій. Окремою темою для цієї статті стали питання внутрішньопартійної організації, виборчого права і партійної тактики, яка розглядалася автором в контексті дискусій про характер тимчасових політичних компромісів з перспективою їх подальшої геополітичної реалізації.

Ключові слова: Болгарія; Росія; лівий центризм; соціал-демократичний рух; центристська «левиця»; Бунд; культурно-національна автономія.

Тортика М. В. Принципы национальной стратегии левоцентристских фракций в Болгарии и России (на примере конфедеративной концепции болгарской «левицы» и проекта культурно-национальной автономии Бунда). В исследовании рассматриваются особенности восприятия национального вопроса теоретиками левоцентристских фракций в Болгарии и России на рубеже ХІХ–ХХ ст. Самобытность левоцентристской платформы в Восточной Европе (Болгария, Россия) заключается в ее политической пограничности. Примером в данном случае могут служить «автономистский» проект российской социал-демократии и болгарская «конфедералистская» концепция, принципиальная для внешнеполитической платформы центристской фракции Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной) (БРСДП (о)). С одной стороны, указанные проекты отражали готовность к сотрудничеству с официальной политической элитой, с другой, были сориентированы на демонстративный отказ от реализации большинства элементов общепризнанной государственной стратегии. Отдельной темой для настоящей статьи стали вопросы внутрипартийной организации, избирательного права и партийной тактики. Последний момент автор анализирует в контексте дискуссий о характере временных политических компромиссов с перспективой их последующей геополитической реализации.

Ключевые слова: Болгария; Россия; левый центризм; социал-демократическое движение; центристская «левица»; Бунд; культурно-национальная автономия.

Tortika M. V. Principles of National Strategy of Left-of-Center Factions in Bulgaria and Russia (on the Example of Confederative Conception of the Bulgarian “Left” and the Project of Cultural and National Autonomy of the Jewish Union^{}). The study considers the peculiarities of perception of the national question by ideologists of left-of-center factions in Bulgaria and Russia at the turn of 19-20 centuries). The uniqueness of the left-centrist platform in Eastern Europe (Bulgaria, Russia) lies in the fact of its political ambivalence. In this case the “autonomist’s” project of social democracy in Russian Empire and “confederalist’s” concept, a key element of foreign-policy platform of the Bulgarian Social and Democratic Worker’s Party (united), could serve as an example. On the one hand, the projects reflected readiness to cooperate with the official political elites, on the other one, they were oriented towards demonstrative rejection of implementation of any state strategies. A particular topic of the article is the*

^{*} Jewish Union (*Еврейский Союз*) – англійськомому варіанту назви єврейського соціал-демократичного Союзу (Повне назви «Всеобщий єврейський робітничий союз в Литві, Польщі та Росії»), аналог більш звичайної номенклатури «Бунд», представляючої собою прямий переклад прийнятого на ідиш руськоязычного еквівалента.

questions of internal party organization, voting rights and party tactics. The author analyses the latter in the context of discussions about the nature of temporary political compromises with a prospect of their further geopolitical implementation.

Keywords: Bulgaria; Russia; Left centrism; social democratic movement; centrist “left”; Jewish Union; cultural and national autonomy.

В условиях быстро приближавшегося мирового кризиса начала XX ст. большинство политических партий балканского региона, равно как и политических движений в Российской империи, было вынуждено разрабатывать не только варианты внутренних стабилизационных программ, но и предлагать особую, национально-государственную стратегию внешнеполитического реагирования. В дальнейшем подобные программы становились отличительным признаком конкретных политических партий. Как следствие, визитной карточкой болгарских социалистов стал проект Балканской федеративной республики, в то время как в среде российской социал-демократии все большее значение приобретал проект культурно-национальной автономии, тесно связанный с концепцией федеративного устройства Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Все это позволяет говорить о некоей общности национальных программ левоцентристских фракций в Восточной Европе, получивших отражение во внешнеполитической платформе центристской «левицы» Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной) (БРСДП (о)) и национальной политике еврейского Союза (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России – Бунд), позднее проявившейся в одноименной тактике «августовского движения» РСДРП*.

Прежде всего, отметим, что перспектива балканского сближения, или, иными словами, программа региональной межгосударственной интеграции в той или иной степени была характерна для внешнеполитической платформы всех социал-демократических фракций Болгарии. Однако наиболее полное отражение данная концепция получила в политической практике болгарского социалистического центризма, идеологи которого попытались развить основные положения национальной программы немецкой и австрийской социал-демократии, наиболее отчетливо проступавшие во внутренней платформе такого самобытного политического явления как австромарксизм. Речь идет о концепции «Соединенных штатов Великоавстрии».

Интересно, что данный проект натолкнулся на сокрушительную критику представителей радикальной ветви болгарского марксизма, отрицавших конформизм национальной стратегии центристской «левицы» БРСДП (о). По всей видимости, подобная позиция была связана с неприятием лидерами Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) (БРСДР (т.с.)) общедемократического содержания еще более широкой геополитической концепции, характерной для западноевропейского центризма (ее активным сторонником являлся Карл Каутский) – проекта «Соединенных штатов Европы».

Таким образом, следует признать, что к 1911 г. (впрочем, Х. Кабакчиев** связывал начало наиболее интенсивных дискуссий по вопросу государственного устройства Балкан с итогами младотурецкой революции 1908 г.) в болгарской социал-демократической среде уже существовало несколько проектов интеграционного развития региона. Во-первых, это была идея Балканской федерации «тесных», знамя Белградской конференции 1909 г.; далее, – концепция Балканской конфедерации БРСДП (о), которую «левица» рассматривала в качестве основной части своей внешнеполитической программы (ее практические положения были озвучены в ходе балканской социал-демократической конференции 1911 г.). И, наконец, – рабочая тактика правого крыла БРСДП (о), представители которого стремились использовать конфедералистские увлечения центристов в качестве формального прикрытия при решении конкретных внешнеполитических задач.

Анализируя названные концепции, особо следует отметить последовательно интеграционную позицию теоретиков БРСДП (т.с.), утверждавших, что только классовая борьба

* «Августовское движение» – процесс консолидации околоцентристских групп РСДРП, объединившихся в ходе Венской конференции (август 1912 г.) и Брюссельского совещания 1914 г.

** Хр. Кабакчиев – один из лидеров ортодоксального марксизма в Болгарии, член ЦК БРСДП (т.с.) с 1905 г.

способна сдвинуть буржуазию с привычного для нее пути социально-экономического индивидуализма. С течением времени именно этот тезис приобрел приоритетный статус во внешней политике БРСДП (т.с.) и расширился до уровня публичных деклараций, далеких, как правило, от логики конкретных политических перспектив¹.

Впрочем, воспринимая революционные призывы БРСДП (т.с.) как метафоры, болгарский обыватель все еще мог оставаться относительно спокойным. Однако между 1908 и 1911 гг. стало понятно, что за революционной риторикой «тесняков» скрывается вполне конкретный тезис об отсутствии у буржуазии необходимой «революционной инициативы». И тут любой, даже самый скромный болгарский мещанин, хочешь не хочешь, а начинал с ужасом задумываться о том непредсказуемом и тревожном моменте, когда он будет обязан этой самой «инициативой» обладать^{*}, причем в достаточном, с точки зрения БРСДП (т.с.), количестве². А в это время непримиримо настроенный Д. Благоев^{**} упорно раздувал огонь политических дискуссий, утверждая, что революционная инициатива буржуазии возможна только тогда, «...когда она утратит всю свою собственность»³.

Подобные тезисы, вне всякого сомнения, подпитывали худшие опасения болгарского (балканского) обывателя, абсолютно неготового к восприятию классовой дифференциации социально-экономического фундамента будущей федерации. Надо полагать, что в такой ситуации болгарский «Дядо» (так несколько интимно называли Д. Благоева его партийные соратники)^{***} не скоро бы дождался «революционной инициативы» имущих классов, совершенно не стремившихся к утрате тех благ, которые они с таким огромным трудом приобретали в течении недолгих лет фактической болгарской самостоятельности⁴. Интересно, что одним из тех, кто первым отметил натянутость такого рода лозунгов оказался не кто иной, как В. И. Ленин. Будучи, подобно Д. Благоеву, радикальным марксистом, он, по всей видимости, все же более ясно отдавал себе отчет в масштабах европейского влияния, ответственного за модернизацию политического сознания среднего класса как в России, так и в Болгарии⁵.

Впрочем, здесь следует отметить, что если радикальные марксисты, ощущая внешнее политическое и цивилизационное давление, пытались противопоставить ему идейный максимализм, то марксисты-реформисты, напротив, стремились использовать методы диффузии и вписать данные тенденции в свое идейно-политическое сознание. Примером такого более прагматичного восприятия интеграционных процессов может служить обращение Центрального Комитета (ЦК) БРСДП (о) к МСБ в 1913 г. В нем брюссельским адресатам ясно давали понять, что с точки зрения правого крыла «объединенной» партии идея Балканской федерации, собственно, как и параллельный ей проект Балканской конфедерации – это мираж, политический фантом, который только кажется осуществимым, но при реальном приближении ускользает «...все дальше и дальше»⁶.

Следовательно, складывалась парадоксальная ситуация, в рамках которой для широких социалистов Балканская федерация существовала как лозунг, а для тесных, как символ. Иными словами, правые и левые сближались в оценке интеграционных процессов, характерных для политической жизни балканского региона. Однако к подобному единомыслию представители указанных направлений приходили заведомо различными путями. В этой связи достаточно обособленным и более цельным выглядит проект Балканской конфедерации, который «левица» выдвинула в качестве промежуточного варианта потенциального социального, экономического и цивилизационного сотрудничества.

^{*} Центрист Роман Аврамов с большой иронией писал о том, что «тесняцкое глубокомыслие желало бы – как неперемное условие – чтобы буржуазия оставила свою классовую точку зрения и перешла на точку зрения пролетариата». Такую тактику социализма автор считал «полностью несостоятельной. ... Это сектанство, – утверждал он, – бессмысленное и реакционное...». См. подробнее: *Аврамов Р.* Тесните социалисти и балканската конфедерация // Напред – 1911. – 6 ноември.

^{**} Д. Благоев – один из основателей Социал-демократической партии в Болгарии, признанный идеолог ортодоксальной ветви болгарского марксизма (БРСДП (т.с.)).

^{***} Следует отметить, что на ту же тему размышлял еще один центрист, П. Делирадев. «...Сегодня, – писал он, – век богатства и денег! И главная мудрость социальной политики сегодня – это умение комбинировать эти два условия – свободу и «богатство»». См. подробнее: *Делирадев П.* Балканската конфедерация. – Т. Пазарджик: Печат. «Търговска» на Г. Бърлиев, 1909. – 48 с.

С одной стороны, данная концепция учитывала геополитические интересы стран Балканского региона, зачастую соотнося их с интересами Турции (особенно в условиях младотурецкого общественно-политического реформирования империи). С другой, подобная логика закономерно приводила (примером может служить публицистика такого близкого к болгарской «левице» политика как Троцкий) к выводам о связи между проектом Балканской федерации (конфедерации) и проблемой урегулирования этнических конфликтов в Македонии. Интересно, что вопросы региональной политики в этом случае связывались Троцким с национальной платформой Августовского блока, сформировавшегося (после Венской конференции 1912 г.) в социал-демократическом движении России⁷.

Впрочем, как писал известный болгарский социалист П. Делирадев*, «...с топорами и казармами нельзя поливать древо культуры». Для этого нужны новые демократические институты: от школ и училищ до железных дорог и пароходов⁸. Таким образом, внутренним стержнем тактической платформы Балканской конфедерации, по крайней мере в интерпретации теоретиков центристской «левицы», стал принцип политической умеренности и толерантности.

Несомненно, подчеркивал в своем, по сути центристском, издании (газета «Напред») К. Раковский, создание федеративной республики на социально-классовой основе – это стратегическая цель социалистов. Ни один социал-демократ не будет выступать против республики в пользу монархии, если есть хоть какие-то реальные перспективы для реализации последней⁹. В то же время, продолжал он далее, современное состояние балканской политической системы не позволяет социалистам говорить о реализации программы региональной республики уже сегодня.

Показательно, что параллельно тот же тезис развивал и П. Делирадев. Таким образом, на фундаменте выводов К. Раковского** и П. Делирадева была создана особая концепция болгарской социалистической «левицы», которую сегодня можно обозначить как программу последовательной государственной федерализации.

Итак, анализируя внутреннюю сущность конфедералистского проекта центристской «левицы», следует отметить, что его авторы, отталкивались как минимум от трех основополагающих принципов, а именно: а) принципа status quo; б) тактики оборонительных союзов; в) реформы прогрессивного общедемократического характера. Подобные реформы предусматривали, во-первых, создание межпарламентской лиги и, во-вторых, последовательное расширение единого экономического пространства. Тем не менее, более детальной разработки указанный проект не получил, поскольку был свернут на уровне анализа конкретных юридических и финансовых норм будущего межгосударственного объединения¹⁰.

Интересно, что примерно в это же время (1912–1913 гг.) в России также окончательно сформировалась особая позиция левоцентристской фракции (Августовского блока) по вопросам национальной политики и государственного строительства. Фундаментом указанной программы стала политическая платформа еврейского Союза, со временем воспринятая всеми группами центристско-реформистской оппозиции РСДРП (Бунд, «правдацы» и «голосовцы»). Как следствие, одним из основополагающих принципов этнополитической

* П. Делирадев – один из идеологов центристского течения БРСДП (о). Наиболее известен как автор социал-демократического проекта Восточной конфедерации. Кроме того, для современных исследователей его общественно-политическая деятельность интересна последовательными контактами с лидерами национально-освободительного движения в Македонии – Я. Санданским и Х. Чернопеевым.

** Позднее, уже работая в Украине (глава Совнаркома Украинской советской республики с 1919 по 1923 гг.), К. Раковский конкретизировал свое видение конфедералистских принципов политической организации го-сударственного Союза. Сделано это было на примере СССР и в условиях союзного строительства 1922–1923 гг. См. подробнее: *Раковский Х. Г.* Союз Советских Социалистических Республик: Новый этап в советском союзном строительстве. – Харьков: Госиздат Украины, 1923. – 29 с.; *Лобанова (Тортика) М. В.* Опыт сравнительного анализа взглядов Х. Г. Раковского на балканскую и советскую конфедерации // Тоталитаризм и анти тоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века): Материалы междунар. науч. конф., 21–23 сент. 1993 г. / Харьк. гос. ун-т и др. – Харьков, 1995. – Т. 2. – С. 439–448.

стратегии левоцентристского блока в России стал проект культурно-национальной автономии Бунда.

Так же как и в ситуации с макронациональными геополитическими концепциями (в контексте настоящего исследования проблема балканской интеграции, в более широком смысле пангерманистская, пантюркистская, панславистская и др. концепции) проект культурно-национальной автономии начал приобретать зримые очертания лишь на рубеже XIX–XX ст. В последующие годы, когда конфронтация между реформистами и ортодоксами во Втором Интернационале заметно усилилась, вопрос о внутреннем содержании указанного проекта получил еще более глубокое идейно-политическое звучание.

Собственно, в России тактическое противостояние, основанное на различном понимании национальной программы РСДРП, вылилось в очередной внутрипартийный кризис, спровоцированный вначале острой дискуссией по национальному вопросу (полемика между В. И. Лениным и лидером Бунда В. Д. Медемом*), а в дальнейшем, конфронтацией между бундистами (сторонниками австромарксизма) и И. В. Сталиным, представителем радикальной ветви российского марксизма.

В конце 1912 – начале 1913 г. И. В. Сталиным была написана достаточно объемная работа, опубликованная под названием «Национальный вопрос и социал-демократия». Большую часть указанной статьи автор посвятил критике национальной программы еврейского Союза. В результате, используя опыт негативного анализа внешнеполитической платформы Бунда, он сумел выстроить особую логическую систему, позволявшую ему более свободно обосновывать большевистский отказ от промежуточных реформ в области национальной политики и государственного строительства.

Отрицая, подобно Ленину, значение политической логики Медема, И. В. Сталин опосредованно выступил и против национальной стратегии К. Каутского. В данном случае речь идет о перспективах такого автономистского проекта как «Соединенные штаты России» – концепции, которая оказалась попыткой (очевидно, не самой удачной) прямого наложения австрийских национальных проектов («Соединенные штаты Великоавстрии») на российские политические условия¹¹.

В то же время, обозначенная выше полемика показала, что в процессе обособления центристско-реформистской оппозиции происходила, по крайней мере, частичная трансформация российского революционного сознания. Как следствие, представители центристского течения РСДРП выдвинули тезис о необходимости более широкого самоуправления отдельных субъектов Российской империи (выделяемых, по логике Бунда, по национальному признаку). Кроме того, как единая система, национальная программа «августовского движения» предполагала, во-первых, создание самостоятельной государственной стратегии по вопросам региональной локализации политического пространства империи, а, во-вторых, на внутреннем уровне, более детальный анализ проблем здравоохранения, образования и этнической идентификации. Интересно, что подобный вариант национальной платформы левоцентристского блока РСДРП оказался близок политической логике К. Каутского, который предлагал внедрять подобные программы демократическим путем, но крайне бережно и с оглядкой на низкие темпы трансформации государственных механизмов в Российской империи¹².

Итак, совершенно очевидно, что в полемике по поводу культурно-национальной автономии российские социалисты двигались в том же направлении, что и представители «левицы» БРСДП (о), вынуждено существуя в эпицентре идейно-политических противоречий, характерных для генезиса всех политических партий, фракций и групп, существовавших в международном социал-демократическом движении конца XIX – начала XX ст. В частности, подходя к вопросам национальной стратегии с точки зрения радикального марксизма, следует отметить, что выразители данного течения категорически отказывались от каких бы то ни было не только идеологических, но и тактических компро-

* В. Д. Медем – один из идеологов Бунда, некоторое время являлся членом его Заграничного Комитета, позднее стал членом ЦК и участвовал в ряде съездов РСДРП. В рамках «Августовского движения» поддерживал центристскую ориентацию еврейского Союза, принимал участие в Венской конференции 1912 г.

миссов, заявленных во внешнеполитических программах центристско-реформистской оппозиции обеих партий. В то же время идеологи правых течений российского и балканского социализма, напротив, выступали за поступательное разрешение национального вопроса, считая его одной из важнейших проблем политического развития не только конкретной страны, но и более крупных геополитических регионов. В конечном счете, результатом подобных дискуссий в Болгарии стало тактическое обособление центристской концепции Балканской конфедерации. В то время как в России на передний план был выдвинут проект культурно-национальной автономии, который со временем стал основой для развития национальной платформы всего «августовского движения»¹³.

Таким образом, накануне Первой мировой войны для восточноевропейских левоцентристских фракций (в частности, в Болгарии и России) был характерен особый интерес к национальной проблематике, способной сгладить или, напротив, приумножить десятилетиями тлевшие этнополитические конфликты¹⁴. При этом самобытность именно центристской платформы заключалась в ее политической толерантности, которая в этом случае сочеталась с ярко выраженным прагматизмом фракционных лидеров. Оба проекта (как российский, так и болгарский) отражали готовность к сотрудничеству с официальной политической элитой, но при этом на теоретическом уровне ее представителям было отказано даже в перспективе возможных экономических и политических предпочтений.

Как правило, указанные программы развивались в нескольких направлениях, фиксируя, с одной стороны, динамику макроинтеграционных процессов, а с другой – специфику конкретных социальных отраслей (свобода вероисповедания, образование, здравоохранение и др.). Отдельной темой стали вопросы внутрипартийной организации, избирательного права и тактики временных политических компромиссов. Однако как ни стремились представители левоцентристских фракций к подчеркнутой реалистичности своих интеграционных проектов, их содержание все же мало соответствовало политическим реалиям первого десятилетия XX ст. Особенно в том случае, когда этническая мотивация предполагала (в частности, на Балканах) не только поиск основ национальной идентичности, но и прикрытие для возможной трансформации территориального status quo.

Собственно, в течении последнего предвоенного десятилетия крупнейшие империи Европы уже застыли в ожидании распада, а мир все более и более соскальзывал в то кровавое противостояние, которое в дальнейшем предусматривало формирование новых политических союзов и экономических альянсов. В этих условиях дуализм интеграционных и этнополитических поисков центризма не позволил ему занять место основного координатора национальной тактики восточноевропейского марксизма. В то же время именно национальная платформа левоцентристских фракций и групп помогла выделить их из общей массы социал-демократических партий и движений, характерных для политического пространства данного региона в конце XIX – первом десятилетии XX ст.

¹ *Благоев Д.* Балканският въпрос и социалдемократията // Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 13. – С. 494–499.

² *Аврамов Р.* Тесните социалисти и балканската конфедерация // Напред – 1911. – 6 ноември.

³ *Благоев Д.* Балканският въпрос и социалдемократията // Съчинения. – София: Изд-во на БКП, 1960. – Т. 13. – С. 497.

⁴ *Делирадев П.* Балканската конфедерация. – Т. Пазарджикъ: Печат. «Търговска» на Г. Бърлиевъ, 1909. – С. 31.

⁵ *Ленин В. И.* В Швейцарии // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 22. – С. 77–79.; *Его же.* О лисе и курятнике // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: По-

* Так, размышляя о подлинных причинах разразившейся мировой войны, Ю. Мартов (в этом случае он под-водил черту под довоенными дискуссиями по национальному вопросу) писал об объективном росте национального сознания. Как следствие, он крайне прозорливо говорил о несовместимости процессов национальной локализации с тенденциями общеевропейской интеграции, которые, по его мнению, уже тогда отражали корпоративные интересы мирового капитала. См. подробнее *Мартов Л.* Национализм и социализм (идеология «самозащиты»). – Петербург: Тип. сельского Вестника, 1918. – 80 с.

литиздат, 1968. – Т. 22. – С. 146–150.; *Его же*. Социальное значение сербско-болгарских побед // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 22. – С. 186–188.

⁶ Доклад на ЦК на БРСДП (т.с.) до МСБ. София, март 1913 // Българските социалдемократи и Международното Социалистическо Бюро. Кореспонденция 1900–1914. – Б.м.: МИКОМ, 1996. – С. 121.

⁷ Черновые заметки, выписки, наброски Л. Д. Троцкого по истории Турции // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 325, оп. 1, ед. хр. 149, л. 152.

⁸ *Делирадев П.* Балканската конфедерация. – Т. Пазарджикъ: Печат. «Търговска» на Г. Бърлиевъ, 1909. – С. 44.

⁹ *Раковски К.* Твърди и неотстъпчиви: федерация, конфедерация и тесни // Напред. – 1911. – 22 ноември.

¹⁰ *Раковский Х. Г.* Союз Советских Социалистических Республик: Новый этап в советском союзном строительстве. – Харьков: Госиздат Украины, 1923. – 29 с.; *Лобанова (Тортика) М. В.* Опыт сравнительного анализа взглядов Х. Г. Раковского на балканскую и советскую конфедерации // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века): Материалы междунар. науч. конф., 21–23 сент. 1993 г. / Харьк. гос. ун-т и др. – Харьков, 1995. – Т. 2. – С. 439–448.

¹¹ *Бауер О.* Национальне питання. – К.: «Основні цінності», 2004. – 116 с.; *Каутский К.* Национальное государство и союз государств. – М.: Изд-во И. Ефимов, Н. Желудков и К, 1917. – 94 с.; *Каутский К.* Национальные проблемы. – Петроград: Изд-во Книга», 1918. – 183 с.

¹² *Каутский К.* Национальный вопрос. – Тифлис: Типография Военно-Морского Комиссариата, 1922. – С. 51; *Медем В.* Каутский о национальном вопросе в России // Социал-демократия и национальный вопрос. – СПб.: Типография Бусселя, 1906. – С. 62.

¹³ *Мартов Л.* Национализм и социализм (идеология «самозащиты»). – Петербург: Тип. Сельского Вестника, 1918. – С. 43; Из выступления Г. А. Алексинского. Протоколы заседаний Оргкомитета РСДРП // РГАСПИ, ф. 325, оп. 2, ед. хр. 19, л. 29.